

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2021–2022 учебный год

Региональный этап

11 класс

Задание №1 (6 баллов)

Распределите фрагменты статей и манифестов символистов и футуристов в соответствующие столбики (в Листе ответов нужно вписать номера цитат в таблицу).

1. Мы не можем довольствоваться грубоватой фотографической точностью экспериментальных снимков. Мы требуем и предчувствуем, по намекам Флобера, Мопассана, Тургенева, Ибсена, новые ещё не открытые миры впечатлительности. Эта жадность к неиспытанному, погоня за неуловимыми оттенками, за тёмным и бессознательным в нашей чувствительности – характерная черта грядущей идеальной поэзии.

2. Мы намерены воспеть любовь к опасности, привычку к энергии и бесстрашию. Мужество, отвага и бунт будут основными чертами нашей поэзии.

3. Искусство есть постижение мира иными, не рассудочными путями. Искусство – то, что в других областях мы называем откровением. Создания искусства – это приотворённые двери в Вечность.

4. Только мы – лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве. Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее иероглифов.

5. Нами осознана роль приставок и суффиксов. Во имя свободы личного случая мы отрицаем правописание.

6. Это поэзия, в которой органически, не насильственно, сливаются два содержания: скрытая отвлечённость и очевидная красота сливаются так же легко и естественно, как в летнее утро воды реки гармонически слиты с солнечным светом.

Задание №2 (3 балла)

Впишите в Лист ответов литературоведческие термины, соответствующие приведённым схемам.

Рис.1

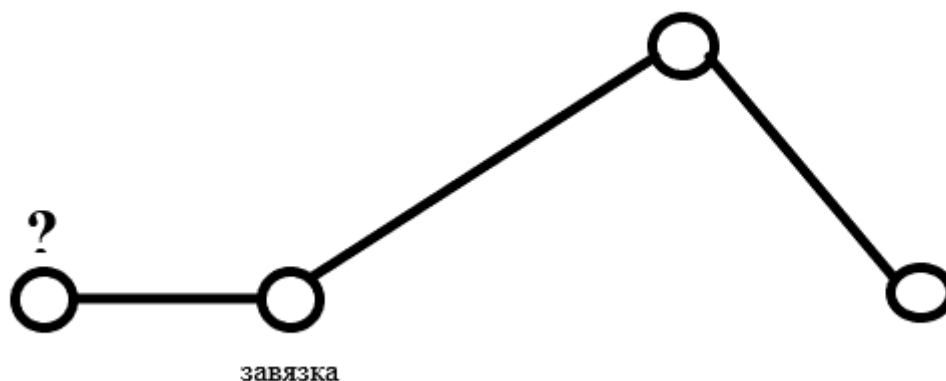

Рис.2

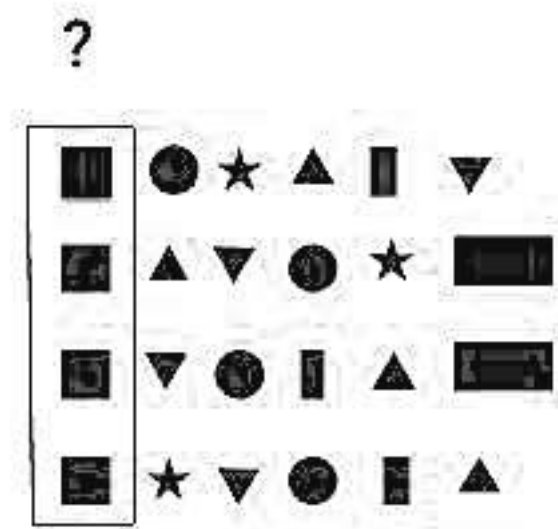

Рис.3

Задание №3 (2 балла)

На какой спектакль пришёл зритель, если вместе с программкой он получает банкноту в 5000 дублей (да, дублей), а жанр спектакля определён как «московский шабаш с одним разоблачением»? Впишите фамилию автора и название литературного произведения, ставшего основой для постановки, в Лист ответов.

Задание №4 (65 баллов)

Выполните целостный анализ прозаического ИЛИ стихотворного произведения (ОДНОГО – на выбор).

Сергей Довлатов

(1941–1990)

Блюз для Натэлла

В Грузии – лучше. Там всё по-другому. Больше денег, вина и геройства. Шире жесты и ближе ладонь к рукоятке ножа...

Женщины Грузии строги, пугливы, им вслед не шути. Всякий знает: баррикады пушистых ресниц – неприступны.

В Грузии климата нет. Есть лишь солнце и тень. Летом тени короче, зимою – длиннее, и всё.

В Грузии – лучше. Там всё по-другому...

Я сжимаю в руке заржавевшее это перо. Мои пальцы дрожат, леденеют от страха. Ведь инструмент слишком груб. Где уж мне написать твой портрет! Твой портрет, Бокучава Натэлла!

О Натэлла! Ты – чаша на пиру бородатых и сильных! Ты – глоток родниковой воды после драки! Ты – грустный мотив, долетевший сюда из неведомых окон! Ты – ливень, который застал нас в горах! И дерево, под которым спаслись мы от ливня! И молния, разбивающая дерево в щепки!.. Ты – юность прекрасной страны!..

Каждое утро Натэлла раздвигает тяжёлые воды Арагвы. На берегу остаётся прижатый камнем сарафан, часы и летние туфли.

Натэлла уплывает, изменчиво белея под водой. Тихо шелестят на берегу кусты винограда «изабель». А за кустами в этот момент бушуют страсти. Там давно сидит на корточках Арчил Пирадзе, зоотехник.

Час назад Арчил Пирадзе вышел из дому.

– Арчил, – заявила ему старуха Кеке Пирадзе, – я жду. Я переживаю, когда тебя нет. Вот смотри, я плюю на крыльцо. Пока оно сохнет, ты должен вернуться.

– Хорошо, – сказал Арчил.

Старуха плюнула и ушла в дом. Тогда её сын начал действовать. Он вытащил из-под крыльца заржавленное ружьё. Потом зарядил его и направился к реке.

Теперь он сидит на корточках и ждёт. Наконец смыкаются воды Арагвы. Натэлла ступает по гладким камням..

Что на свете прекраснее этой картины?! Каково это видеть Арчилу Пирадзе?! Арчилу, который приходит в беспамятство даже от гипсовой статуи, изображающей лошадь?!

И тогда Арчил Пирадзе хватает своё заржавленное ружьё. Он поднимает его выше и выше. Затем нажимает курок.

Дым медленно рассеивается, смолкает грохот. Затихает далёкое эхо в горах.

– Это опять вы, Пирадзе? – строго говорит Натэлла. – Так я и знала. Сколько это может продолжаться?! Я давно сказала, что не буду вашей женой. Зачем вы это делаете? Зачем ежедневно стреляете в меня? Как-то раз вы уже отсидели пятнадцать суток за изнасилование. Вам этого мало, Арчил Луарсабович?

– Я стал другим человеком, Натэлла. Не веришь? Я в институт поступил. Более того, я – студент.

– В это трудно поверить.

– У меня есть тетради и книги. Есть учебник под названием «Химия». Хочешь взглянуть?

– Взятку кому-нибудь дали?

– Представь себе, нет. Бесплатно являюсь студентом-заочником.

– Я рада за вас.

– Так вернись же, Натэлла. У тебя будет всё – патефон, холодильник, корова. Мы будем путешествовать.

– На чём?

– На карусели.

– Не могу. При всем обаянии к вам.

– Я изменился! – воскликнул Пирадзе. – Учусь. Потом и градом мне всё достётся, Натэлла!

– Не могу. В Ленинграде, увы, ждёт меня аспирант Рабинович Григорий, я дала ему слово.

– Я тоже выучусь на аспиранта. Прочту много книг. Можно сказать, я уже прочитал одну книгу.

– Как она называется?

– Она называется – повесть.

– И больше никак?

– Она называется – Серафимович!

– Лично я импонирую больше Толстому, – сказала Натэлла.

– Я прочту его книги. Пусть не волнуется.

– Тихо! – сказала Натэлла. – Вы слышите? Из-за кустов доносились нежные слова:

Ты сказала мне – нет!

И по снегу, эх, по снегу ушла.

Был суров твой ответ,

Ночь в мученьях,

ах, в мученьях прошла...

По дороге медленно шёл киномеханик Гиго Зандукели с трофейной винтовкой. Тридцать шесть лет оружие пролежало в земле. Его деревянное ложе зацвело молодыми побегами. Из дула торчал георгин.

Завидев Натэлла с Пирадзе, Гиго остановился. Винтовку он теперь держал наперевес.

– Вы пришли, чтобы убить меня, Гиго Рафаэлевич? – спросила Натэлла.

– Есть маленько, – ответил Гиго.

– Все только и делают, что убивают меня. То вы, Арчил, то вы, Гиго! Лишь аспирант Рабинович Григорий тихо пишет свою диссертацию о каракатицах. Он – настоящий мужчина. Я дала ему слово...

Тут вмешался Пирадзе:

– Кто дал тебе право, Гиго, убивать Бокучаву Натэлла?

– А кто дал это право тебе? – спросил Зандукели. Одновременно прозвучали два выстрела. Грохот, дым, раскатистое эхо. Затем – печальный и укоризненный голос Натэллы:

– Умоляю вас, не ссорьтесь. Будьте друзьями, Гиго и Арчил!

– И верно, – сказал Пирадзе, – зачем лишняя кровь? Не лучше ли распить бутылку доброго вина?!

– Пожалуй, – согласился Зандукели. Пирадзе достал из кармана «маленькую». Сорвал зубами жестяную крышку.

– Наполним бокалы! – сказал он. Закинув голову, Пирадзе с удовольствием выпил. Передал бутылочку Гиго. Тот не заставил себя уговаривать.

– Жаль, нечем закусить, – сказал Арчил.

– У меня есть луковица, – обрадовался Зандукели, – держи. Я захватил её на случай, если меня арестуют.

– Будь здоров, Рабинович Григорий! – сказали они, допивая...

Две недели так быстро промчались. Закончился отпуск. В нашем промышленном городе – тесно и сыро.

Завтра в одном ЦКБ инженер Бокучава склонится над кульманом. Её загорелыми руками будут любоваться молодые, а также немолодые сослуживцы.

Натэлла шла вдоль перрона. Остался наконец позади стук колёс и запах вокзальной гари. Забыта насыпь, бегущая под окнами. Забыты тёмные избы. Забыты босоногие ребятишки, которые смотрели поезду вслед.

Девушка исчезла в толпе, а я упрямо шёл за ней. Я шёл, хотя давно уже потерял Бокучаву Натэллу из виду. Я шёл, ибо принадлежу к великому сословию мужчин. Я знаю, что грубый, слепой, неопрятный, расчётливый, мнительный, толстый, циничный – буду идти до конца.

Я горжусь неотъемлемым правом смотреть тебе вслед. А улыбку твою я считаю удачей!

1968

Комментарий:

Арагва – река в Грузии, левый приток Куры.

Серафимович – Александр Серафимович (1863–1949); наст. фамилия Попов; писатель, автор одного из первых посвященных Гражданской войне романов – «Железный поток» (1924).

ЦКБ – Центральное конструкторское бюро.

Кульман – вертикальная доска для выполнения чертежей.

Марина Цветаева

(1892-1941)

Психея

Пунш и полночь. Пунш – и Пушкин,

Пунш – и пенковая трубка

Пышущая. Пунш – и лепет

Бальных башмачков по хриплым

Половицам. И – как призрак —

В полукруге арки – птицей —

Бабочкой ночной – Психея!

Шёпот: «Вы ещё не спите?

Я – проститься...» Взор потуплен.

(Может быть, прощенья просит
За грядущие проказы
Этой ночи?) Каждый пальчик
Ручек, павших Вам на плечи,
Каждый перл на шейке плавной
По сто раз перецелован.
И на цыпочках – как пери! —
Пируэтом – привиденьем —
Выпорхнула.
Пунш – и полночь.
Вновь впорхнула: «Что за память!
Позабыла опахало!
Опоздаю... В первой паре
Полонеза...»
Плащ накинув
На одно плечо – покорно —
Под руку поэт – Психею
По трепещущим ступенькам
Провожает. Лапки в плед ей
Сам укутал, волчью полость
Сам запахивает... – «С Богом!»

А Психея,
К спутнице припав – слепому
Пугалу в чепце – трепещет:
Не прожѣг ли ей перчатку
Пылкий поцелуй арапа...

Пунш и полночь. Пунш и пепла
Ниспадение на персидский
Палевый халат – и платья
Бального пустая пена
В пыльном зеркале...

1920

Задание №5 (24 балла)

Поэт Борис Садовский (печатался как Садовско́й) известен литературными мистификациями. В своих воспоминаниях («Встречи с Есениным») он собственное стихотворение «В роще» (1912) приписал С.А. Есенину (и в несколько изменённом виде этот же текст предложил редакции «Литературного наследства» как неопубликованную автопародию Блока). В 1962 г. стихотворение попало в собрание сочинений С.А. Есенина. Напишите заметку в паблик ВК «Литературные расследования» и расскажите, чем могла объясняться ошибка специалистов по творчеству С.А. Есенина в атрибуции текста. Обратите внимание на образный ряд стихотворения, отбор деталей, лексико-грамматические и ритмико-интонационные особенности. Обосновывая свою позицию, учитывайте контекст творчества поэта. Придумайте лаконичный и выразительный заголовок для своего поста.

За сухое дерево месяц зацепился,
Слушает прохожих девок пенье.
Тихий тополь времени вдруг остановился,
Наступило вечное мгновенье.
Вечность отдыхает над берёзами кудрявыми,
Облака румяные на закат сбежали,
Синих ёлок крестики сделались кровавыми,
Крестики зелёные розовыми стали.
Встал я и задумался над ярким мухомором.
Что ж в груди затеплилось скрытое рыданье?
Мне не стыдно плакать под небесным взором:
В светлом одиночестве радостно страданье.